

УДК 94(517)

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-106-114

Ссылка для цитирования: *Почекаев Р. Ю.* Оценки деятельности туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана среднеазиатскими современниками // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 106–114.

ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА К. П. ФОН КАУФМАНА СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ СОВРЕМЕННОКАМИ¹

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3, корп. 1

rpochekaev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4192-3528

ResearcherID: K-2921-2015

Scopus Author: ID: 57190090464

В статье анализируются мнения и оценки среднеазиатских авторов второй половины XIX – начала XX в. о первом туркестанском генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане. Исследованы сообщения придворных историков Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств, персональных дневников представителей среднеазиатской правящей и интеллектуальной элиты, а также оценки деятельности Кауфмана, бытующие среди среднеазиатского населения в первые десятилетия после присоединения региона к Российской империи. Среди них наибольший интерес представляют записки таких государственных деятелей, историков и мыслителей, как А. Дониш, А. Сами, С. Айни, Садр-и Зийа, Мирза Салимбек, М. Ю. Баяни, Н.-М. Хоканди и др. В источниках эпохи завоевания Средней Азии К. П. фон Кауфман предстает в оценках современников как опытный и суровый военачальник, поначалу стремившийся закончить дело миром, но после провала таких попыток нередко проявляющий жестокость и даже коварство в отношениях с местными правителями и военачальниками. В оценках же его последующей деятельности представители местного населения, напротив, положительно оценивают принесенную им в регион стабильность, отсутствие притеснений по религиозному принципу и пр. При этом любые его сравнения с последующими начальниками Туркестанского края в их глазах оказывались не в пользу последних. Характеристики, даваемые К. П. фон Кауфману представителями населения среднеазиатских ханств и Туркестанского края, существенно дополняют достаточно сложный и противоречивый образ этого незаурядного государственного деятеля, сформированный на основе записок его российских современников и последующих исследователей.

Ключевые слова: Российская империя, присоединение Средней Азии, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Кокандское ханство, Туркестанский край, К. П. фон Кауфман, среднеазиатская историография, придворные хроники, дневники.

Основные сведения о Константине Петровиче фон Кауфмане, первом генерал-губернаторе Туркестанского края (1867–1882), содержатся в многочисленных записках его российских современников – представителей имперских властей, сослуживцев, личных знакомых и т.д. Неоднозначность оценок авторами записок личности и деятельности Кауфмана подчеркивает противоречивость его деятельности на посту генерал-губернатора, которая тем не менее составляет целую эпоху в истории русской Средней Азии (см. подробнее [Почекаев, 2019]). Несмотря на то что далеко не все российские современники оценивали деятельность К. П. фон Кауфмана в Туркестане положительно, нельзя не считать с тем, что в большинстве своем они являлись представителями властной элиты Российской империи и готовы были упустить из вида некоторые аспекты его политики в регионе, которые были весьма важны для представителей коренного населения.

В связи с этим представляет интерес анализ сведений о К. П. фон Кауфмане, трактовок и оценок его деятельности именно со стороны местных жителей Средней Азии, в частности представителей населения Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского² ханств. Основными источниками таких сведений являются исторические сочинения придворных хронистов среднеазиатских

ханов (хивинские Мухаммад Риза Агахи, Мухаммад Юсуф Баяни, кокандский Нияз-Мухаммад Хуканди) или же исторические хроники, составленные по личной инициативе их авторов (бухарские сановники Ахмад Дониш, Абдал'Азим Сами, общественный деятель Садриддин Айни, кокандские авторы Мухаммад-Салих Ташканди и Мухаммад Азиз Маргилани), дневниковые записки представителей властной и интеллектуальной элиты ханств (бухарские чиновники Садр-и Зийа и Мирза Салимбек), свидетельства современников, зафиксированные российскими чиновниками (в частности, Н. И. Веселовским и Н. Ф. Петровским) и т.д.

Эти сведения уже неоднократно привлекались исследователями, но, как правило, для иллюстрирования российской имперской политики в Средней Азии в целом или же в отношении того или иного ханства³. В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать сведения среднеазиатских современников, посвященные именно отдельным направлениям деятельности К. П. фон Кауфмана, выявить сходства и отличия в освещении его действий отдельными авторами. Безусловно, среднеазиатские авторы не ставили своей целью дать целостную характеристику личности и политики Кауфмана в регионе, поэтому их упоминания о его деятельности достаточно кратки и эпизодичны. Тем не менее анализ и систематизация этих сведений, как представляется, позволят сформировать более-менее целостное представление об отношении населения Средней Азии к первому туркестанскому генерал-губернатору. В настоящем исследовании сначала будут рассмотрены сведения о ведении К. П. фон Кауфманом боевых действий против ханств, а также их оценки среднеазиатскими авторами, затем – сообщения о периоде «устроения» им Туркестанского края, включая выстраивание отношений с ханствами, ставшими российскими протекторатами.

Учитывая, что К. П. фон Кауфману, несмотря на постоянное декларирование мирных намерений в отношении Бухары, Хивы и Коканда, пришлось много лет вести боевые действия против то одного, то другого ханства, не приходится удивляться, что представители их населения уделили много внимания в своих трудах именно этой стороне его деятельности. В результате в среднеазиатской историографии сформировался образ Кауфмана – завоевателя Средней Азии, который затем и стал стереотипным для советской историографии.

Первым военным конфликтом, в который пришлось вступить К. П. фон Кауфману вскоре после принятия под управление Туркестанского края, стала война с Бухарским эмиратом. У Мирзы Абдал'Азима Сами, автора «Та'рих-и салатин-и мангитий» («История мангытских государей»), Кауфман ошибочно назван завоевателем Аулие-Ата и Ташкента (*Мирза Абдал'Азим Сами*, 1962, с. 57–58). На самом деле эти города были взяты в 1865 г. М. Г. Черняевым, тогда же ставшим первым военным губернатором Туркестанской области. Однако дальнейшие события историк, в то время являвшийся придворным сановником эмира, излагает достаточно корректно. В отличие от ряда других авторов, Сами подчеркивает мирные намерения Кауфмана, дружественную переписку с эмиром Музаффаром, который и сам поначалу не хотел воевать, но «по подстрекательству и наущению недалеких, фанатичных, злонамеренных и дурно поступающих гулямов» предпринял враждебные действия против России, арестовав послов Кауфмана и начав боевые действия. А во время войны войска эмира, практически не оказывая сопротивления русским войскам, бежали с полей сражений во главе с самим правителем⁴. Неудивительно, что собственные подданные стали отворачиваться от такого монарха: так, жители Самарканда сами открыли ворота Кауфману, который «посчитал это небесным даром и несомненной помощью [бога]» (Там же, с. 60–62, 70, 80), см. также [*Брежнева, Богданова*, 2017, с. 111].

Интересно, что взятие Самарканда, по словам того же Сами, поначалу не вызвало особой тревоги эмира и его окружения. Вероятно, не зная еще о широких полномочиях Кауфмана в области внутренней и внешней политики в Средней Азии, они полагали, что он, захватив город, превысил свои полномочия и вскоре от императора воспоследует приказание вернуть его Бухаре и заключить мир. Именно это в интерпретации историка и обусловило быстрое подписание мира со стороны бухарцев (*Мирза Абдал'Азим Сами*, 1962, с. 88–89).

Поражение Бухары и установление над ней российского протектората в 1868 г. вызвало широкий резонанс по всей Средней Азии. Не только бухарские, но и иностранные авторы зафиксировали это событие в своих сочинениях: например, хивинский придворный историк Мухаммад-Риза Агахи в своей хронике «Шахид-и икбал» («Свидетель счастья») упомянул, что бухарскому эмиру пришлось заключить договор с К. П. фон Кауфманом, по которому он должен был платить России «дань», т.е. контрибуцию [*Бартольд*, 1964, с. 404].

Кокандские хронисты, по вполне понятным причинам враждебно относившиеся к К. П. фон Кауфману, предлагают собственную интерпретацию российско-бухарского конфликта: якобы не довольствуясь договором, который ранее был заключен с эмиром Музаффаром, он потребовал заключить новый, содержавший более тяжелые условия для Бухары, да еще дал слишком малый срок для их выполнения. Тем самым он нашел повод к войне, во время которой, по сообщениям кокандских авторов, проявлял изощренное коварство, с одной стороны, вроде бы соглашаясь на переговоры с эмиром, с другой же – заманивая его войска в ловушки. В результате Кауфман добивается своего, заключив с Бухарой крайне невыгодный для нее договор [Бейсембиев, 2009, с. 305–306, 446]. Также они приписывают генерал-губернатору милитаристические устремления в виде намерений уже на рубеже 1860–1870-х гг. завоевать и Хиву, и Афганистан, не забыт также и поход 1880 г. в Кульджу [Там же, с. 418–419, 556], на самом деле явившийся предупреждением агрессии империи Цин в регионе.

В сочинении «Тарих-и джадида-йи Ташканд», составленном кокандским автором Мухаммал-Салих-ходжой Ташканди в 1887 г., упоминается, что Кауфман в войне с Бухарским эмиратом привлекал на службу и представителей населения Центральной Азии, в том числе бывших сановников эмира. Так, например, Искандар-хан Кабули служил эмиру Музаффару, но бежал, узнав, что последний отдал приказ о его аресте, и поступил на службу к туркестанскому генерал-губернатору, принял участие в походе на Самарканд, командуя 400 афганцами [Там же, с. 200, 305]. Естественно, такие действия афганского военачальника трактуются историком как измена законному государю, соответственно, Кауфман, принявший его на службу, предстает человеком коварным и беспринципным.

Со временем впечатления от боевых действий и эпохи завоевания в целом стали исчезать, и на смену враждебному осуждению жестокости Кауфмана пришло иное осмысление его решений и конкретных действий. Так, например, младший современник событий, известный таджикский писатель и ученый-просветитель Садриддин Айни в своем произведении «История мангытских эмиров», написанном уже в 1920 г.⁵, противопоставляет (уже традиционно для бухарской историографии) боевой опыт и решительность Кауфмана легкомыслию и трусости эмира Музаффара, который даже после первых поражений не пожелал выработать никакой стратегии ведения войны (Айни, 1975, с. 278). И если эмир показан автором как жестокий правитель, грабивший собственных подданных и жестоко расправлявшийся с политическими противниками, то в уста Кауфмана Айни вкладывает, в частности, следующую фразу: «Мы начали свое выступление, намереваясь защитить всех угнетенных», а далее – объяснение о вступлении в Самарканд по просьбе его населения (Там же, с. 279)⁶. Далее описывается «приветливое» отношение Кауфмана к жителям города, которых он «простил» (Там же, с. 281). При этом весьма характерно, что Айни ни разу не упоминает его по фамилии, предпочитая характеризовать как «главнокомандующего русскими войсками» или «генерал-губернатора»: вероятно, это отражение начала процесса формирования негативного образа К. П. фон Кауфмана в советской историографии, и подчеркивание его положительных качеств и намерений шло бы вразрез с этим подходом. Тем не менее нельзя не отметить, что, по сравнению с непосредственными участниками и свидетелями событий, С. Айни пытается до некоторой степени оправдать действия Кауфмана против Бухарского эмирата, а не объяснять их исключительно его воинственностью, жестокостью и вероломством, как делали его предшественники.

В интерпретации еще одного бухарского автора первой четверти XX в. – эмирского сановника Мирзы Салимбека – К. П. фон Кауфман вообще превратился в настоящего миротворца. По его словам, М. Г. Черняев был смещен с должности туркестанского военного губернатора «за непослушание», выразившееся во враждебности по отношению к Бухаре. Пришедший на его смену Кауфман сразу же заключил с Бухарой мир, который якобы поддерживал на протяжении всего своего правления, лишь однажды введя в эмират российские войска – и то только для того, чтобы помочь эмиру Музаффару подавить мятеж его сына Катта-торе. Зато после его смерти край вновь возглавил Черняев, вскоре повторно смещенный опять же за то, что «осмелился двинуться на Бухару» (Мирза Салимбек, 2009, с. 39, 48, 63–64, 155–156), см. также [Брежнева, Богданова, 2017, с. 111].

Еще один близкий Салимбеку по статусу бухарский сановник, Мухаммад-Шариф Садр-и Зийа, в своем дневнике, писавшемся уже в 1920–1930-е гг., очень кратко упоминает о факте войны Кауфмана с эмиром Музаффаром и о поражении последнего, но это ему было нужно

лишь для того, чтобы подчеркнуть положительные последствия этих событий – строительство в эмирате железной дороги, развитие торговых путей и проч. (*Sadr-i Ziya*, 2004, р. 190–191).

Весьма широко освещенный российскими современниками поход К. П. фон Кауфмана против Хивы в 1873 г. в местных источниках отражен достаточно скудно. Вышеупомянутый придворный хронист Агахи скончался накануне его событий, в 1872 г., так что едва ли не единственным хивинским сочинением, в котором описаны эти события, является «Шаджара-йи хорезмшахи» («Родословное древо хорезмшахов»), написанное Мухаммадом Юсуфом Баяни, являвшимся своеобразным «преемником» Агахи (см. подробнее [Муниров, 1961, с. 9–10; *Sela*, 2002]).

В отличие от авторов, освещавших ход войны Кауфмана против Бухары как следствие «милитаристских устремлений» туркестанского генерал-губернатора или в крайнем случае действий плохих советников бухарского эмира, хивинский историк достаточно объективно упоминает о стремлении Кауфмана установить мирные отношения с Хивой и последовавшем на его предложение отказе хивинского хана Мухаммад-Рахима II прекратить набеги его кочевых подданных на российские владения и захват пленных. Согласно Баяни, решение об освобождении пленных было принято ханом лишь тогда, когда он узнал о приготовлениях к походу, но его действия уже не могли предотвратить похода, поскольку на этот раз уже Кауфман, в свою очередь, отверг ханское предложение [*Sela*, 2006, р. 463–464; *Ниязатов*, 2010, с. 161, 170–171]. Тем не менее, несмотря на неоспоримое превосходство русских войск и, как следствие, наличие возможности захватить все ханство, генерал-губернатор предпочел заключить мир с ханом, о чем сам же направил ему послание. На этот раз адресат согласился на предложение К. П. фон Кауфмана, и мир в результате был заключен [*Брегель*, 1961, с. 154–155; *Ниязатов*, 2010, с. 173; *Sela*, 2006, р. 464]. Не забыл Баяни описать и рейд генерала Головачева против туркмен-йомудов, совершенный по приказу Кауфмана после их отказа платить контрибуцию [*Sela*, 2006, р. 465–466]. В сочинении хивинского автора описаны расправы с туркменским населением, однако вряд ли стоит считать, что автор целенаправленно старался «с гневом» описать «зверства фон Кауфмана», как было принято считать в советской историографии [*Юлдашев*, 1962, с. 46]. Думается, для представителя хивинской знати подобного рода карательные акции в отношении кочевников были привычны, поскольку неоднократно принимались их же собственными ханами.

Боевые действия К. П. фон Кауфмана против Кокандского ханства, сначала признавшего российской протекторат, но затем восставшего против империи (во главе с Абдурахманом-афтабачи и Насреддином, старшим сыном хана Худояра), конечно же, нашли отражение в целом ряде кокандских исторических источников [*Бейсембиев*, 2009, с. 292]. Взятие Коканда Кауфманом в 1876 г. совершенно обоснованно связывается с ликвидацией его государственности, однако, конечно же, подается как результат исключительно воинственных устремлений генерал-губернатора и непосредственно командовавшего российскими войсками генерала М. Д. Скобелева [*Бейсембиев*, 2009, с. 424; *Сангилова*, 2000, с. 24–25]. Антироссийские же действия самих кокандцев, собственно и вызвавшие открытые военные действия русских против них, практически не упоминаются местными историками.

Результатом завоевательной политики К. П. фон Кауфмана стало установление российского протектората над Бухарским эмиратом (1868) и Хивинским ханством (1873), а также включение территории Кокандского ханства в состав Туркестанского края (1876). На смену «завоеванию» пришло «устроение». Это направление деятельности Кауфмана также по-разному освещается среднеазиатскими авторами.

Знаменитый бухарский государственный деятель и просветитель Ахмад Дониш, современник и свидетель завоевания Средней Азии, лично знакомый с К. П. фон Кауфманом (по некоторым сведениям, С. Айни опирался в своей «Истории мангытских эмиров», в том числе и на его рассказы), резко враждебно отреагировав на установление над Бухарой российского протектората (ср.: [*Брежнева*, *Богданова*, 2017, с. 107, 110]), как ни странно, не дал никакой характеристики боевым действиям Кауфмана против эмира. Однако он уделит внимание фактам взаимодействия Музаффар-а и туркестанского генерал-губернатора уже после признания Бухарой зависимости от Российской империи. Прежде всего он отмечает, насколько поражение заставило эмира бояться генерал-губернатора. Направляя свое посольство в Россию, Музаффар настоятельно требовал, чтобы посол ни в коем случае не поднимал вопрос о возвращении Самарканда и других территорий, отторгнутых от эмирата, зная, что это вызовет недовольство Кауфмана (*Ахмад Дониш*, 1960, с. 66)⁷.

Также А. Дониш приводит несколько примеров пренебрежительного отношения К. П. фон Кауфмана к Бухаре, имевшего целью упрочить свою власть над эмиратом. Одним из болезненных вопросов в российско-бухарских отношениях после 1868 г. стало распределение воды, поскольку после захвата Самарканда в руках русских оказался контроль над р. Зеравшан. В ответ на неоднократные просьбы бухарцев упорядочить систему водопользования между жителями русских и бухарских владений, как писал Дониш, «он [губернатор], обычно, говорил: “Действительно, вода Зеравшана будет израсходована в Самарканде, так как я распорядился о многих посевах и постройках. Я думал и о воде для Бухары. В свое время я проведу воду из Сыр-Дарьи”». Однако, по мнению автора, подразумевал Кауфман совершенно другое: «Я вас подержу голодными и без воды до тех пор, пока сам не вступлю в царскую резиденцию Бухары» (*Ахмад Дониш*, 1967, с. 108–109). Таким образом, в сообщении бухарского ученого отражаются как достоверные сведения (о контроле распределения воды как средства обеспечения мирных отношений с Бухарой), так и подозрения в намерении Кауфмана полностью присоединить эмират к России, которого у туркестанского генерал-губернатора никогда не было.

В знак признания зависимости от Российской империи эмир поручил послу договориться в Петербурге, чтобы его наследника определил император. Однако российский монарх поручил решение этого вопроса Кауфману, который «с поклоном принял [поручение]», но никаких действий не предпринял и даже не написал по этому поводу никакого письма эмиру. Дониш и эти действия Кауфмана трактует как намерение спровоцировать «волнения и смуты» в Бухаре и тем самым укрепить собственный контроль над ней (*Ахмад Дониш*, 1960, с. 113; *Ахмад Дониш*, 1967, с. 104–105, 110)⁸. Подобные сообщения Дониша дают основание современным исследователям утверждать, что им в его сочинениях «разоблачалась колониальная политика фон Кауфмана» [*Бейсембиев*, 2009, с. 308]⁹.

Автор кокандской хроники «Тарих-и джадида-йи Ташканд» также приводит пример пренебрежения Кауфмана к бухарскому эмиру. Во время похода на Хиву 1873 г. русские войска проходили через бухарские владения, и эмир оказал им поддержку провиантом, водой, выючными верблюдами, одеждой и проч., надеясь на то, что ему будут возвращены Самарканд и Катта-Курган. Однако Кауфман, давший ему такую надежду, сохранил эти города в составе российских владений [Там же, с. 306–307].

Кокандское ханство, как известно, поначалу признало зависимость от Российской империи, по сути, добровольно, заключив мирный договор в 1868 г. [Там же, с. 550], поэтому, в отличие от Бухары и Хивы, историки Коканда сначала повествуют о мирных и союзнических отношениях между К. П. фон Кауфманом и правителями ханства. При этом, по-видимому, даже после заключения мира кокандские власти не чувствовали себя достаточно уверенно в отношении России и старались использовать любой повод, чтобы убедиться в мирных намерениях Кауфмана. Так, например, в сочинении Муллы Нийаз-Мухаммада Хуканди «Тарих-и Шахрухи» упоминается о том, что Нарседиин, старший сын хана Худояра, в 1872 г. направлял к Кауфману в Ташкент посольство по случаю проведения церемонии обрезания Урмана – одного из своих младших братьев [*Бейсембиев*, 1987, с. 129, 130; *Бейсембиев*, 2009, с. 112].

Примечательно, что кокандские историки рассматривают Кауфмана как правителя Ташкента в качестве правопреемника прежних правителей, ранее управлявших этим городом в качестве наместников кокандских ханов [*Бейсембиев*, 2009, с. 676]. Вероятно, подобной фикцией они стараются оправдать заключение и поддержание мира с российским администратором, пребывавшим во владениях, ранее отторгнутых у Коканда. При этом, конечно же, это не означает, что они приравнивают туркестанского генерал-губернатора по статусу к прежним градоначальникам: в отношении него в кокандских сочинениях (как и в целом в рамках среднеазиатской политической и историографической традиции) применяется титул «йарим-падшах» [Там же, с. 733].

Признав власть России как своего рода данность, жители Средней Азии со временем стали находить в ней преимущества по сравнению с «ханским» периодом. И период пребывания К. П. фон Кауфмана во главе Туркестанского края рассматривается ими как своеобразный «золотой век». Наиболее ярким примером такого изменения отношения к недавнему «завоевателю» является небольшое поэтическое сочинение на казахском языке, написанное со слов бывшего кокандского сановника Хали-бая его сыном около 1885 г. Долгое время сражавшийся с русскими, под конец жизни он сумел оценить результаты их правления. По его словам, «во время Кауфмана, недавно

бывшего, исчезли воры и обман», народ стал благоденствовать, богатеть, лучше одеваться и проч. Упоминает автор сочинения и о просветительской деятельности Кауфмана, отмечая при этом, что, хотя он призывал местных жителей учиться русскому языку и вообще получать российское образование, но вовсе не заставлял их принимать православие (*Веселовский*, 1894, с. 61–63) [*Бейсембиев*, 2009, с. 369–370; *Трепавлов*, 2018, с. 40–41]. По сути, это не просто обоснование и одобрение деятельности К. П. фон Кауфмана, а фактически панегирик ему.

Сановник бухарского эмира Мирза Салимбек, написавший свою «Тарих-и Салими» около 1918 г., отчасти подтверждает слова Хали-бая о том, что в Ташкенте при Кауфмане не стеснялись обычаи местных жителей, что христианство им не навязывалось и мусульманские ученые могли продолжать свои диспуты (*Мирза Салимбек*, 2009, с. 51).

Авторы, проживавшие в русской Средней Азии под управлением целого ряда имперских администраторов, также не могли не отметить роли и значения первого начальника Туркестанского края и не сравнивать его с преемниками. Так, Азиз б. Риза Маргинани, автор «Тасниф-и гариб» («Редкое известие»), написанного не ранее 1912 г., констатировал: «Вообще, после Черняева¹⁰ и фон Кауфмана не было таких великих йарим-падишахов, как они двое. А в Маргилане лучшими начальниками были Бекчурин, Томич и Баранов. Они хорошо относились к подданным, не брали взяток» [*Бейсембиев*, 2009, с. 131–132]. И это не было единичное мнение, поскольку весьма красноречивое высказывание «одного очень умного туземца» приводит в одном из своих писем, датированном 1890 г., российский дипломат и востоковед Н. Ф. Петровский, к слову сказать, сам весьма не жаловавший первого туркестанского генерал-губернатора: «Прежде мы бранили Кауфмана, думали, что в Петербурге есть много его лучше, а как увидели второй раз Черняева, потом Розенбаха, а теперь Вревского, то стали хвалить Кауфмана: видим, что лучше его нет» (*Петровский*, 2010, с. 214).

Завершая анализ оценок деятельности К. П. фон Кауфмана среднеазиатскими современниками, можно сделать вывод о том, что их отношение к этому деятелю во многом определялось характером отношений между Российской империей и ее Туркестанским краем с одной стороны и властями и местным населением среднеазиатских ханств с другой. В период вооруженного противостояния практически все авторы исторических сочинений демонстрировали резко негативное отношение к Кауфману, возлагая исключительно на него вину за развязывание войны, обвиняя в жестокости, коварстве и проч. Однако по мере все большей интеграции ханств в политическое, правовое и экономическое пространство Российской империи, укрепление русского влияния в самих ханствах хронисты все больше сосредотачивались не на завоевательном, а на созидательном направлении деятельности первого туркестанского генерал-губернатора и даже его войны с ханствами также старались рассмотреть в контексте последующих позитивных изменений в регионе. А ближе к концу века, сравнивая деятельность первого туркестанского генерал-губернатора с политикой его преемников, жители русской Средней Азии готовы были характеризовать пребывание К. П. фон Кауфмана во главе Туркестанского края и его отношения с ханствами как настоящий «золотой век».

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого. Статья представляет собой расширенную и доработанную версию доклада, представленного на XXX Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 19–21 июня 2019 г.). Текст доклада ранее не публиковался.

² Корпус кокандских исторических источников был подробно изучен казахстанским исследователем Т. К. Бейсембиевым, в связи с чем большинство сведений о К. П. фон Кауфмане, сообщаемых историками Кокандского ханства, мы базируем на его работах [*Бейсембиев*, 1987; *Бейсембиев*, 2009].

³ На сведения среднеазиатских современников о К. П. фон Кауфмане и его политике в отношении среднеазиатских ханств (правда, в отдельных случаях и кратко) ссылаются авторы фундаментальных трудов по истории этих государств и их отношений с Российской империей (см., напр. [*Набиев*, 1973; *Ниязमतов*, 2010; *Тухтаматов*, 1966]).

⁴ Любопытно, что подобный подход проявился отнюдь не только среди бухарских просветителей, последовательно критиковавших политику бухарских эмиров, но и в историографической традиции соседних государств. Так, известна кокандская «Песня Худояр-хана», в которой также отмечается, что, когда Кауфман пришел к Самарканду, Музаффар, поначалу выступив против него, «не успевши выстрелить ни

разу / он должен был бежать назад, побросав все, что имел, / а – боевые орудия и казну» (*Веселовский*, 1894, с. 68–69) [*Бейсембиев*, 2009, с. 308].

⁵ С. Айни опирался на рассказы современников событий и более ранние исторические сочинения, которые нередко цитирует.

⁶ Как видим, в более поздней интерпретации взятие Самарканда рассматривается как запланированный Кауфманом шаг, а не как «небесный дар», о котором упоминал в свое время Сами.

⁷ Впрочем, возможно, автор несколько утрирует, стремясь подчеркнуть зависимое положение эмира от начальника Туркестанского края: несмотря на недовольство Кауфмана, этот вопрос неоднократно обсуждался на переговорах российских и бухарских властей (см. подробнее [*Дмитриев*, 1969]).

⁸ Мирза Салимбек упоминает, что Кауфман в Ташкенте с почетом принимал будущего наследника эмира – царевича Абдул-Ахада (*Мирза Салимбек*, 2009, с. 53), следовательно, позднее он все же выполнил поручение императора.

⁹ Т. К. Бейсембиев видит проявление подобного же отношения к действиям Кауфмана и в труде кокандского автора Муллы Аваз-Мухаммада «Аттара» «Тузфат ат-таварих-и хани» («Ханский подарок в летописях»), составленном около 1871 г.

¹⁰ Надо полагать, речь идет о первом пребывании М. Г. Черняева во главе Туркестанской области (1865–1866), почему он и упоминается перед Кауфманом, которого, впрочем, затем также сменил на посту и генерал-губернатора (1882–1884).

Список источников

Айни С. История мангытских эмиров // *Айни С.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 266–312.

[Ахмад Дониш]. Трактат Ахмада Дониша «История мангытской династии» / пер., предисл. и прим. И.А. Наджафовой. Душанбе: Дониш, 1967. 143 с.

Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное / пер. с тадж. М.Н. Омсанова и Л.Н. Демидчик; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Р. Хади-заде. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. 300 с.

[Веселовский Н.] Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае / текст, пер. и прил. Н.И. Веселовского. СПб.: Скоропечатня П.О. Яблонского, 1894. IV + 125 с.

Мирза Абдал’Азим Сами. Та’рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / изд. текста, пред., пер. и прим. Л.М. Епифановой. М.: Наука, 1962. 177 + 150 с.

Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата) / пер. Н.К. Норкулова. Ташкент: Akademiya, 2009. 330 с.

Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников; сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.

[Sadr-i Ziya] The Personal history of a Bukharan intellectual. The Diary of Muhammad-Sharif-I Sadr-i Ziya / Transl. by R. Shukurov, ed. E. A. Allworth. Leiden; Boston: Brill, 2004. XXIX + 407 p.

Библиографический список

Бартольд В.В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 400–413.

Бейсембиев Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: Print-S, 2009. 1263 с.

Бейсембиев Т.К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.

Брегель Ю.Э. Сочинение Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» как источник по истории туркмен // *Краткие сообщения института народов Азии.* 1961. Вып. 44. С. 125–157.

Брежнева С.Н., Богданова О.А. Война Бухарского эмирата с Российской империей в воспоминаниях очевидцев // *Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. История. Политология.* 2017. Вып. 4. № 22 (271). С. 106–114.

Дмитриев Г.Л. Самаркандский вопрос в русско-бухарских отношениях 1867–1873 гг. // *Материалы по истории присоединения Средней Азии к России* / ред. П.А. Ковалев, А.М. Ташмухамедов, Г.Л. Дмитриев. Ч. I. Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1969. С. 74–92.

Муниров К. Исторические произведения Муниса, Агахи и Баяни – источники по истории Средней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1961. 16 с.

Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.

Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.

Почекаев Р.Ю. Эволюция взглядов на личность и деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана в отечественной историографии // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 164–176.

Сангирова Д.Х. «Тарихи Азизи» – важный источник по истории изучения царского колониального периода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000. 38 с.

Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.

Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966. 178 с.

Юлдашев М.Ю. Баяни и его исторический труд // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 3. С. 40–50.

Sela R. Bayani's Shajara-ye khorezmshahi and the Russian Conquest of Khiva: An Essay on Historical Production // Central Eurasian Studies Review. 2002. Vol. 2, no. 2. P. 15–17.

Sela R. Invoking the Russian conquest of Khiva and the massacre of the Yomut Turkmens: the choices of a Central Asian historian // Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft / Études asiatiques: revue de la Société Suisse – Asie. 2006. Bd. 60. S. 459–477.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.02.2021

TURKESTAN GOVERNOR-GENERAL KONSTANTIN VON KAUFMAN'S APPRAISALS BY THE CENTRAL ASIAN CONTEMPORARIES

R. Yu. Pochekaev

National Research University "Higher School of Economics", Kantemirovskaya str., 3, build. 1, 198099, St. Petersburg, Russia

rpochekaev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4192-3528

ResearcherID: K-2921-2015

Scopus Author: ID: 57190090464

The life and activities of the first Turkestan Governor-General Konstantin von Kaufman were reflected in a wide scope of notes of Russian contemporaries – from the supreme Russian imperial authorities to his own subordinates. These notes are the basic sources on his personality and politics. At the same time, his contemporaries from the Central Asia also left information on this statesman which could be found in the court historiography of the Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva and Khanate of Khoqand, personal diaries and memoirs of local elites, as well as in popular memory. In particular, we can find such information in the works of famous Central Asian statesmen, historians and thinkers – Ahmad Donish, Ab dal'Azim Sami, Sadriddin Ayni, Sadr-i Ziya, Mukhammad Yusuf Bayani, Mirza Salimbek, etc. Substantial part of information is related to the conquest of the Central Asia by Kaufman in the late 1860s – mid-1870s, and most authors critically evaluate his activities, blaming the Governor-General in colonial aspirations, sometimes in cruelty and even perfidy. On the contrary, the Central Asian monarchs are represented in these sources as peaceful rulers who intended to support friendly relations with the Russian Empire. The state activities of von Kaufman during the first period of the Russian protectorate over khanates of the Central Asia are also negatively evaluated by the representatives of Bukharan, Khivan and Khoqand ruling elites: they described him as a ruler who went beyond his commission and abused his power over vassal khans. Nevertheless, as the Russian power in the Central Asia strengthened, the rhetoric of local authors changed: they stated that he eliminated "thiefs and lies", did not oppress Moslems, allowed local people get Russian education, etc. Already at the end of 19th century, Central Asian contemporaries evaluated Kaufman's rule in Turkestan as a "golden age" and criticized not him, but his successors. The author states that Kaufman's appraisal given by his Central Asian contemporaries could be an important addition to his evaluation given by Russian ones.

Key words: Russian Empire, conquest of the Central Asia, Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva, Khanate of Khoqand, Turkestan Region, Konstantin von Kaufman, Central Asian historiography, court chronicles, personal diaries.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162). The article is an expanded and revised version of the report presented at the 30th International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries (St. Petersburg, June 19–21, 2019). The text of the report has not been published before.

References

- Bartol'd, V.V. (1964), "Developments before the raid to Khiva of 1873 according to the taler of Khivan historian", in Bartol'd, V.V., *Sochineniya* [Collected works], vol. II, pt. 2, Nauka, Moscow, USSR, pp. 400–413.
- Beysembiev, T.K. (2009), *Kokandskaya istoriografiya. Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII–XIX vekov* [Khoqand historiography. Research in the source study of the Central Asia of the 18th – 19th centuries], Print-S, Almaty, Kazakhstan, 1263 p.
- Beysembiev, T.K. (1987), «*Tarikh-i Shakhrukhi*» kak istoricheskiy istochnik ["Tarikh-i Shakhrukhi" as a historical source], Nauka, Alma-Ata, Kazakh SSR, 200 p.
- Bregel', Yu.E. (1961), "The work of Bayani "Shadzharay khorezmshakhi" as a source on the history of Turkmen", in *Kratkie soobshcheniya instituta narodov Azii* [Brief reports of the Institute of Asian peoples], iss. 44, pp. 125–157.
- Brezhneva, S.N. & O.A. Bogdanova (2017), "War of the Emirate of Bukhara with the Russian Empire in the memories of eyewitnesses", *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, Series History. Political Science, № 22 (271), iss. 4, pp. 106–114.
- Dmitriev, G.L. (1969), "Samarqand question in Russian-Bukharan relations of 1867–1873", in Kovalev, P.A., Tashmuhamedov, A.M. & G.L. Dmitriev (eds.), *Materialy po istorii prisoedineniya Sredney Azii k Rossii* [Materials on joining the Central Asia to Russia], pt. I, Tashkent State University named after V.I. Lenin, Tashkent, Uzbek SSR, pp. 74–92.
- Munirov, K. (1961), *Istoricheskie proizvedeniya Munisa, Agakhi i Bayani – istochniki po istorii Sredney Azii* [Historical works of Munis, Agakhi and Bayani as sources on the history of the Central Asia], Abstract of PhD thesis, n.p., Tashkent, Uzbek SSR, 16 p.
- Nabiev, R.N. (1973), *Iz istorii Kokandskogo khanstva (feodal'noe khozyaystvo Khudoyar-khana)* [On the history of Khoqand Khanate (Feudal economy of Khudoyar Khan)], Fan, Tashkent, Uzbek SSR, 388 p.
- Niyazmatov, M. (2010), *Poisk konsensusa. Rossiysko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniya v XVI – nachale XX v.* [In search of consensus. Russian-Khivan geopolitical relations in the 16th – early 20th centuries], Peterburgskoe vostokovedenie, St. Petersburg, Russia, 496 p.
- Pochekaev, R.Yu. (2019), "Evolution of the evaluation of the personality and activities of the first Turkestan Governor-General K.P. von Kaufman in the Russian historiography", *Kunstkamera*, № 2 (4), pp. 164–176.
- Sangirova, D.Kh. (2000), «*Tarikh-i Azizi*» vazhniy istochnik po istorii izucheniya tsarskogo kolonial'nogo perioda ["Tarikh-i Azizi" as an important source on study of tsarist colonial period], Abstract of PhD thesis, n.p., Tashkent, Uzbekistan, 38 p.
- Sela, R. (2002), "Bayani's Shajara-ye khorezmshahi and the Russian Conquest of Khiva: An Essay on Historical Production", *Central Eurasian Studies Review*, vol. 2, № 2, pp. 15–17.
- Sela, R. (2006), "Invoking the Russian conquest of Khiva and the massacre of the Yomut Turkmen: the choices of a Central Asian historian", *Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft / Études asiatiques: revue de la Société Suisse – Asie*, bd. 60, pp. 459–477.
- Trepavlov, V.V. (2018), *Simvol'y i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv.* [Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th – 19th centuries], Oleg Abyshko's Press, St. Petersburg, Russia, 320 p.
- Tukhtametov, T.G. (1966), *Russko-bukharskie otnosheniya v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Bukharskoy narodnoy revolyutsii* [Russian-Bukharan relations in the late 19th – early 20th century. The victory of Bukharan people's revolution], Fan, Tashkent, Uzbek SSR, 178 p.
- Yuldashev, M.Yu. (1962), "Bayani and his historical work", *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, № 3, pp. 40–50.